

**А. СТРУГАЦКИЙ
Б. СТРУГАЦКИЙ**

Шесть спичек

электронное
издание

«Шесть спичек» — рассказ, написанный
А. и Б. Стругацкими в 1959 году.
Впервые был опубликован в журнале
"Знание — сила" в 1959г. №3.
По мнению Бориса Стругацкого,
самый публикуемый рассказ Авторы.
Неоднократно редактировался.
Здесь представлен журнальный
вариант. С одним исправлением...

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

изготовителя электронной книги

Светлана Петровна Бондаренко своей книге[2] пишет: «...Рассказ впервые был опубликован в 1959 году в журнале „Знание – сила“ и в межавторском сборнике „Дорога в сто парсеков“; годом позже, в слегка измененном виде, в авторском сборнике „Шесть спичек“.

Постепенно при переизданиях из рассказа убирались „лишние“ с точки зрения художественной литературы наукообразные подробности...» .

И далее: «...В первые издания рассказа проникли и ошибки Авторам, позже убранные. К примеру, в журнале „Знание – сила“ и сборнике „Дорога в сто парсеков“ при исследовании телекинеза описывается подвешенная спиралька в вакуумном колпаке, и тут же, описывая этот опыт, Комлин в дневнике пишет: „Воздух (насколько я понимаю) начинает в точке приложения поля двигаться турбулентно“. Воздуха в вакууме нет, поэтому это предложение годом позже (авторский сборник „Шесть спичек“) убрано...»

Вот и в этой публикации убрано это предложение. А во всем остальном – полностью сохранена журнальная редакция рассказа.

2014г.

АРК. СТРУГАЦКИЙ
БОР. СТРУГАЦКИЙ

ШЕСТЬ СПИЧЕК

НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

I

Инспектор отложил в сторону блокнот и сказал:

– Сложное дело, товарищ Леман. Очень странное дело.

– Не нахожу, – сказал директор Института,

– Не находите?

– Нет, не нахожу. По-моему, все ясно.

Директор говорил очень сухо, внимательно разглядывая пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном. У него давно болела шея, на площади не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и самолюбив. Он отлично понимал, что имеет в виду инспектор, но не считал инспектора в праве касаться этой стороны дела. Спокойная настойчивость инспектора его раздражала. «Вникает, – думал он со злостью. – Все ясно, как шоколад, – но вникает!»

– А мне вот не все ясно, – сказал инспектор.

Директор пожал плечами, взглянул на часы и встал.

– Простите, товарищ Рыбников, – сказал он. – У меня через пять минут семинар. Если я вам не нужен...

– Пожалуйста, товарищ Леман. Но мне хотелось бы поговорить еще с этим... «личным лаборантом». Горчинский, кажется?

– Горчинский. Он еще не вернулся. Как только вернется, его сейчас же пригласят к вам.

Директор кивнул и вышел. Инспектор, прищурившись, поглядел ему вслед. «Легковат, голубчик, – подумал он. – Ладно, дойдет очередь и до тебя».

Но очередь до директора ещё не дошла. Сначала следовало разобраться в главном. На первый взгляд, действительно, все было как будто ясно. Инспектор Управления охраны труда Рыбников уже сейчас мог бы приняться за «Отчет по делу Комлина Андрея Андреевича, начальника физической лаборатории Центрального института мозга». Андрей Андреевич Комлин производил на себе опасные эксперименты и уже четвертый день лежит на больничной койке в полусне-полубреду, запрокинув щетинистый круглый череп, покрытый странными кольцеобразными синяками. Говорить он не может, врачи вводят в его организм укрепляющие вещества, и на консилиумах часто и зловеще звучат слова: «сильнейшее нервное истощение, поражение центров памяти, поражение речевых и слуховых центров...»

В деле Комлина инспектору было ясно все, что могло интересовать Управление охраны труда. Ясно, что не-

исправность аппаратуры, небрежное с ней обращение, неопытность работников здесь ни при чем. Ясно, что нарушения правил безопасности – во всяком случае, в общепринятом смысле – не было. Ясно, наконец, что Комлин проводил опыты над собой в тайне, и никто в институте ничего об этом не знал, даже Александр Горчинский, «личный» комлинский лаборант, хотя некоторые сотрудники лаборатории держатся на этот счет совсем другого мнения.

Инспектора интересовало другое. Инспектор не был только инспектором. Чутьем старого научного работника он чувствовал, что за отрывочными сведениями о работе Комлина, которыми он располагал, за странным несчастьем с Комлиным кроется история какого-то необычайного открытия, и, перебирая в памяти показания сотрудников лаборатории, инспектор убеждался в этом все больше.

За три месяца до несчастья лаборатория получила новый прибор. Это был нейтринный генератор, устройство для создания и фокусировки пучков нейтрино. Именно с появлением нейтринного генератора в физической лаборатории и началась цепь событий, на которые своевременно не обратили внимание те, кому это следовало сделать, и это привело в конце концов к большой беде.

Именно в это время Комлин с видимой радостью переложил всю работу по незаконченной теме на своего заместителя, заперся в комнате, где был установлен нейтринный генератор, и занялся, как он объявил, подготовкой серии предварительных опытов. Это про-

должалось несколько дней. Затем Комлин неожиданно покинул свою келью, совершил, как обычно, обход лаборатории, произвел три публичных разнosa, подписал бумаги и засадил заместителя писать полугодовой отчет. На другой день он вновь заперся в «нейтриннике», прихватив с собой на этот раз лаборанта Александра Горчинского.

Чем они там занимались, стало известно лишь недавно, за два дня до несчастного случая, когда Комлин (совместно с Горчинским) сделал замечательный, «потрясший основы медицины» доклад о нейтринной акупунктуре. Но в течение трех месяцев работы с генератором Комлин трижды привлек внимание сотрудников.

Началось с того, что в один прекрасный день Андрей Андреевич обрился наголо и появился в лаборатории в черной профессорской шапочке. Сам по себе этот факт, возможно, и не запомнился бы, но через час из «нейтринника» выскочил всклокоченный и бледный Горчинский и, по чьему-то образному выражению, «роняя шкафы», кинулся

к лабораторной аптечке. Выхватив из нее несколько индивидуальных пакетов, он в том же темпе вернулся в «нейтринник», захлопнув за собой дверь. При этом один из сотрудников успел заметить, что Андрей Андреевич стоял у окошка, сияя голым черепом и придерживая правой рукой левую. Левая рука была измазана чем-то черным, вероятно, кровью. Вечером Комлин и Горчинский тихо вышли из «нейтринника» и, ни на кого не глядя, прошли прямо к выходу из лаборатории. Оба имели довольно удрученный вид, причем левая рука Комлина была обмотана грязным бинтом.

Запомнилось и другое. Месяц спустя после этого происшествия младший научный сотрудник Веденеев встретил Комлина вечером в уединенной аллее Голубого парка. Начальник лаборатории сидел на скамейке с толстой, потрепанной книгой на коленях и что-то бормотал вполголоса, уставившись прямо перед собой. Веденеев поздоровался и присел рядом. Комлин сейчас же перестал бормотать и повернулся к нему, странно вытягивая шею. Глаза у него были «какие-то заплесневелые», и Веденееву захотелось немедленно удалиться. Но уходить так сразу было неудобно, поэтому Веденеев спросил:

– Читаете, Андрей Андреевич?

– Читаю, – сказал Комлин. – Ши Най-ань, «Речные заводы». Очень интересно. Вот, например...

Веденеев по молодости лет знаком с китайской классикой почти не был и почувствовал себя еще более неловко, но Комлин вдруг захлопнул книгу, сунул ее Веденееву и попросил раскрыть наугад. Слегка сму-

щенный, Веденеев повиновался. Комлин взглянул на страницу («один раз, мельком»), кивнул и сказал:

– Следите по тексту.

И принялся обычным своим звонким и ясным голосом рассказывать о том, как некто Хуянь-чжо, взмахнув стальными плетками, ринулся на неких Хэ Чжэня и Се Бао, и как некто «Коротколапый тигр» Ван Ин и его супруга «Зеленая»... Тут только Веденеев понял, что Комлин читает страницу наизусть. Начальник лаборатории не пропустил ни одной строчки, не перепутал ни одного имени, пересказал все слово в слово и букву в букву. Закончив, он спросил:

– Были ошибки?

Ошеломленный Веденеев потряс головой. Комлин захохотал, забрал у него книгу и ушел. Веденеев не знал, что подумать. Он рассказал об этом случае некоторым из своих товарищей, и те посоветовали ему обратиться за разъяснениями к самому Комлину. Однако Комлин намёк Веденеева на встречу в уединенной аллее встретил таким искренним изумлением, что Веденеев, замявшись, перевел разговор на другую тему.

Но наиболее странными казались события, имевшие место буквально за несколько часов до несчастья.

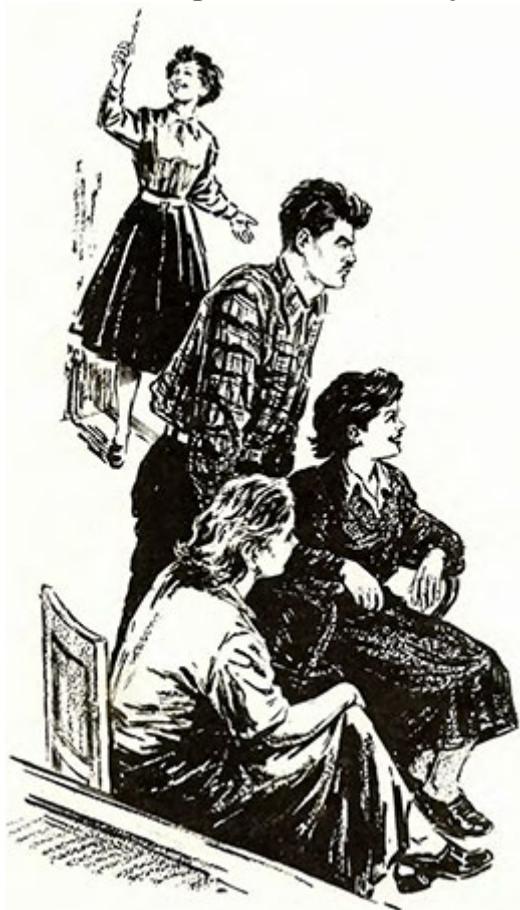
В тот вечер Комлин – веселый, остроумный, славный, как никогда, – показывал фокусы. Зрителей было четверо: Александр Горчинский, небритый и влюбленный в начальника, как девчонка, и молоденькие девушки-лаборантки – Лена, Дуся и Катя. Девушки остались, чтобы закончить сборку схемы для завтрашней работы.

Фокусы были занимательные.

Для начала Комлин предложил кого-нибудь загипнотизировать, но все отказались, и Андрей Андреевич рассказал анекдот о гипнотизере и хирурге. Потом он сказал:

– Леночка, сейчас я буду отгадывать, что ты спрячешь в ящик стола.

Из трех спрятанных вещей он отгадал две, и Дуся сказала, что он подсматривает. Комлин возразил, что он не подсматривает, но девушки принялись над ним

подшучивать, и тогда он заявил, что умеет взглядом гасить огонь. Дуся схватила коробок, отбежала в угол комнаты, зажгла спичку, и спичка, разгоревшись, вдруг погасла. Все страшно удивились и посмотрели на Комлина: он стоял, скрестив руки на груди и грозно хмурия брови, в позе иллюзиониста-профессионала.

– Вот это легкие! – сказала Дуся с уважением. От нее до Комлина было шагов десять, не меньше.

Тогда Комлин предложил завязать ему рот платком. Когда это было сделано, Дуся снова зажгла спичку, и спичка снова погасла.

– Неужели вы задуваете носом? – поразилась Дуся, а Комлин сорвал платок, захохотал и, подхватив Дусю, прошелся с ней вальсом по комнате.

Затем он показал еще два фокуса: ронял спичку, и она падала не вниз, а как-то вбок, каждый раз отклоняясь от вертикали вправо на довольно большой угол («Опять вы дуете...» – неуверенно сказала Дуся); положил на стол кусок вольфрамовой спиральки, и спиралька, забавно вздрагивая, ползла по стеклу и падала на пол. Все, конечно, были страшно удивлены, и Горчинский стал приставать к нему, чтобы он рассказал, как это делается. Но Комлин вдруг стал серьезным и предложил перемножить в уме несколько многозначных чисел.

– Шестьсот пятьдесят четыре на двести тридцать один и на шестнадцать, – робко сказала Катя.

– Записывайте, – странным, напряженным голосом приказал Комлин и начал диктовать: – Четыре, восемь, один... – тут го-

лос его упал до шепота, и он закончил скороговоркой: – Семь – один – четыре – два... Справа налево.

Он повернулся (девушек поразило, что он как-то сразу сник, сгорбился, словно стал меньше ростом), волоча ноги вернулся в «нейтринник» и заперся там. Горчинский некоторое время с тревогой смотрел ему вслед, а затем объявил, что Андрей Андреевич сосчитал правильно: если читать названные им цифры справа налево, то получится произведение – два миллиона четыреста семнадцать тысяч сто восемьдесят четыре.

Девушки работали до десяти, и Горчинский помогал им, хотя толку от него было мало. Комлин все не выходил. В десять они пошли домой, пожелав ему через дверь спокойной ночи. Наутро Комлина отвезли в госпиталь.

Итак, «легальным» результатом трехмесячной работы Комлина была «нейтринная акупунктура» – метод лечения, основанный на облучении мозга нейтринными пучками. Новый метод был необычайно интересен сам по себе, но какое отношение к нейтринной акупунктуре имела раненая рука Комлина? А необычайная память Комлина? А фокусы со спичками, спиральками и устным умножением?

– Скрывал, от всех скрывал, – пробормотал инспектор. – Не был уверен или боялся подставить товарищей под удар? Сложное дело. Очень странное дело!

Щелкнул видеофон. На экране появилось лицо секретарши.

– Простите, товарищ Рыбников, – сказала секретарша. – Товарищ Горчинский здесь и ждет вашего вызова.

– Пусть войдет, – сказал инспектор.

II

На пороге появилась громадная фигура в клетчатой рубахе с засученными рукавами. Над могучими плечами возвышалась могучая шея, увенчанная головой, заросшей густыми черными волосами, сквозь которые, однако, просвечивала маленькая плешь (или даже две плечи, как показалось инспектору), – фигура вдвигалась в кабинет спиной. Прежде чем инспектор успел удивиться, обладатель клетчатой рубахи, продолжая пятиться, сказал: «Пожалуйста, Иосиф Петрович», – и пропустил в кабинет директора. Затем вошедший аккуратно затворил дверь, неторопливо повернулся и отвесил короткий поклон. Лицо обладателя клетчатой рубахи и странных манер было украшено короткими, но весьма пушистыми усиками и казалось довольно мрачным. Это и был Александр Горчинский, «личный лаборант» Комлина.

Директор сел в кресло и молча уставился в окно. Горчинский остановился перед инспектором.

– А вы... – начал инспектор.

– Спасибо, – прогудел лаборант и сел, упершись в колени ладонями и глядя на инспектора серыми недобрими глазами.

– Горчинский? – спросил инспектор.

– Горчинский Александр Борисович.

– Очень приятно. Рыбников, инспектор УОТ.

– Оч-чень рад, – сказал Горчинский с отягечкой.

– «Личный» лаборант Комлина?

– Не знаю, что это такое. Лаборант физической лаборатории Центрального института мозга.

Инспектор покосился на директора. Ему показалось, что у того в уголках глаз искрится ехидная улыбочка.

– Так, – сказал Рыбников. – Над какими вопросами работали последние три месяца?

– Над вопросами нейтринной акупунктуры.

– Подробнее, пожалуйста.

– Есть доклад, – веско сказал Горчинский. – Там все написано.

– А я все-таки попросил бы вас поподробнее, – сказал инспектор очень спокойно.

Несколько секунд они глядели друг на друга в упор – инспектор, багровея, Горчинский, шевеля усами. Потом лаборант медленно прищурился.

– Извольте, – прогудел он. – Можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом...

Горчинский говорил монотонно, без выражения и даже, кажется, слегка покачивался в кресле.

– ...Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма в целом производились измерения тока действия, дифференциального декремента и кривых лабиальности в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромина...

Инспектор откинулся на спинку кресла и с восхищенной яростью подумал: «Ну, погоди ты мне!..» Ди-

ректор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая пальцами по столу.

– А скажите, товарищ Горчинский, что у вас с руками? – спросил инспектор неожиданно. Он терпеть не мог обороны. Он любил наступать.

Горчинский взглянул на свои руки, лежащие на подлокотниках кресла, исцарапанные, покрытые синими зарубцевавшимися шрамами, и сделал движение, словно хотел сунуть их в карманы, но только медленно сжал чудовищные кулаки.

– Обезьяна ободрала, – сказал он сквозь зубы. – В виварии.

– Вы делали опыты только над животными?

– Да, я делал опыты только над животными, – сказал Горчинский, чуть выделяя «я».

– Что случилось с Комлиньгм два месяца назад? – инспектор наступал.

Горчинский пожал плечами.

– Не помню.

– Я вам напомню. Комлин порезал руку. Как это случилось?

– Порезал – и все! – грубо сказал Горчинский.

– Александр Борисович! – предостерегающе сказал директор.

– Спросите у него самого.

Светлые, широко расставленные глаза инспектора сузились.

– Вы меня удивляете, Горчинский, – медленно сказал он. – Вы убеждены, что я хочу вытянуть из вас что-нибудь такое, что может повредить Комлину... или

вам, или другим вашим товарищам. А ведь все гораздо проще. Все дело в том, что я не специалист по центральной нервной системе. Я специалист по радиооптике. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. И поставлен на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать. А вы мне истерики закатываете. Стыдно...

Наступило молчание. И директор вдруг понял, в чем сила этого неторопливого упорного человека. Видимо, понял это и Горчинский, потому что он сказал, наконец, ни на кого не глядя:

– Что вы хотите узнать?

– Что такое нейтринная акупунктура? – сказал инспектор.

– Это идея Андрея Андреевича, – устало проговорил Горчинский. – Облучение нейтринными пучками некоторых участков коры вызывает появление... вернее, резкое возрастание сопротивляемости организма разного рода химическим и биологическим ядам. Зараженные и отравленные собаки выздоравливали после двух-трех нейтринных уколов. Это какая-то аналогия с акупунктурой – лечением иглоукалыванием. Отсюда и название метода. Роль иглы играет пучок нейтрино. Конечно, аналогия чисто внешняя...

– А методика? – спросил инспектор.

– Череп животного выбривается, к голой коже пристраиваются нейтринные присоски... Это небольшие устройства для фокусировки нейтринного пучка. Пучок фокусируется в заданном слое серого вещества. Это очень сложно. Но еще сложнее было найти участки,

точки коры, вызывающие фагоцитную мобилизацию в заданном направлении.

– Очень интересно, – совершенно искренне сказал инспектор. – И какие болезни можно так излечивать?

Горчинский ответил, помолчав:

– Многие. Андрей Андреевич полагает, что нейтринная акупунктура мобилизует какие-то неизвестные нам силы организма. Не фагоциты, не нервная стимуляция, а что-то еще, несравнимо более мощное. Но он не успел... Он говорил, что нейтринными уколами можно будет лечить любое заболевание. Отравление, сердечные болезни, злокачественные опухоли...

– Рак?

– Да. Ожоги... Возможно даже восстанавливать утраченные органы. Он говорил, что стабилизирующие силы организма огромны, и ключ к ним – в коре. Нужно только обнаружить в коре точки приложения уколов.

– Нейтринная акупунктура, – медленно, словно пробуя звуки на вкус, произнес инспектор. Потом он спохватился: – Отлично, товарищ Горчинский. Очень вам благодарен. (Горчинский криво усмехнулся.) А теперь будьте добры, расскажите, как вы нашли Комлина. Ведь вы, кажется, были первым, кто обнаружил его...

– Да, я был первым. Пришел утром на работу. Андрей Андреевич сидел... лежал в кресле за столом...

– В «нейтриннике»?

– Да, в помещении нейтринного генератора. На черепе у него была обойма с присосками. Генератор был включен. Мне показалось, что Андрей Андреевич мертв. Я вызвал врача. Всё.

Голос Горчинского дрогнул. Это было так неожиданно, что инспектор задержался с очередным вопросом. «Так-так», – отстукивал директор, глядя в окно.

– А вы не знаете, какой эксперимент ставил Комлин?

– Не знаю, – глухо сказал лаборант. – Не знаю. На столе перед Андреем Андреевичем стояли лабораторные весы, лежали два спичечных коробка. Из одного спички были вывалены...

– Пойдите, – инспектор оглянулся на директора и снова взглянул на Горчинского. – Спички? Спички... При чем здесь спички?

– Спички, – повторил Горчинский. – Они лежали кучкой. Некоторые были склеены по две, по три. На одной чашке весов лежало шесть спичек. И там был листок бумаги с цифрами. Андрей Андреевич взвешивал спички. Это точно, я проверял сам. Цифры совпадают.

– Спички, – пробормотал инспектор. – Зачем это было ему нужно, хотел бы я знать... У вас есть хоть какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Нет, – ответил Горчинский.

– Вот и сотрудники ваши рассказывали... – Инспектор задумчиво потер рукой подбородок. – Фокусы эти... с огнем, со спичками... Видимо, Комлин работал еще над какими-то вопросами, помимо нейтринной акупунктуры. Но над какими?

Горчинский молчал.

– И опыты над собой он делал неоднократно. У него кожа на черепе сплошь покрыта следами этих ваших присосков.

Горчинский молчал по-прежнему.

– Вы никогда прежде не замечали у Комлина способности быстро считать в уме? Я имею в виду до того, как он показывал вам свои фокусы?

– Нет, – сказал Горчинский. – Не замечал. Ничего подобного не замечал. Теперь вы знаете все, что знаю я. Да, Андрей Андреевич делал опыты над собой. Испытывал на себе нейтринную иглу. Да, полоснул себя бритвой по руке... Хотел проверить на себе, как нейтринная игла заживляет раны. Не вышло... тогда. И он вел параллельно какую-то работу в тайне от всех. От меня тоже. Что за работа, не знаю. Знаю только, что она тоже связана с нейтринным облучением. Все.

– Кто-нибудь, кроме вас, знал об этом? – спросил инспектор.

– Нет. Никто не знал.

– И вы не знаете, какие эксперименты производил Комлин без вашего участия?

– Нет.

– Свободны, – сказал инспектор. – Можете идти.

Горчинский поднялся, не поднимая глаз, повернулся к выходу. Инспектор глядел на его затылок. На затылке белели проплешины – не одна, а именно две, как и показалось ему в самом начале.

Директор смотрел в окно. Низко над площадью повис небольшой вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа, тихонько покачиваясь, принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Откинулась дверца, на неё вылез пилот в сером комбинезоне, легко спрыгнул на асфальт и пошел к зданию Института, на ходу рас-

куривая папироску. Директор узнал вертолет инспектора. «На заправку ходил», – рассеянно подумал он.

Инспектор спросил:

– А не ведет нейтринная акупунктура к поражению психики?

– Нет, – ответил директор. – Комлин утверждает, что не ведет.

Инспектор откинулся на спинку кресла и стал глядеть в матово-белый потолок.

Директор сказал негромко:

– Горчинский уже не сможет работать сегодня. Напрасно вы так...

– Нет, – возразил инспектор. – Не напрасно. И простите, товарищ Леман, вы меня удивляете. Сколько, по-вашему, у нормального человека может быть лысин? И эти шрамы на руках... Досто-ойный ученичок Комлина.

– Люди любят свое дело, – сказал директор.

Несколько секунд инспектор молча глядел на директора.

– Плохо они его любят, – сказал он, – по старинке, товарищ Леман. И вы их, этих людей, плохо любите. Мы богаты. Самая богатая страна в мире. Мы даем вам любую аппаратуру, любых подопытных животных, в любом количестве. Работайте, исследуйте, экспериментируйте... Так почему же вы так легкомысленно транжирите людей? Кто вам позволил так относиться к человеческой жизни?

– Я...

– Почему вы не выполняете апрельскую директиву

ЦК? Почему вы не выполняете постановление Президиума Верховного Совета? Когда, наконец, прекратится это безобразие?

– Это первый случай в нашем институте, – сердито сказал директор.

Инспектор покачал головой.

– В вашем институте... А в других институтах? А на предприятиях? Комлин – это восьмой случай за последние полгода. Варварство! Варварский героизм! Лезут в автоматические ракеты, в автобатискафы, в реакторы на критических режимах... – он с трудом усмехнулся. – Ищут кратчайшего пути к истине, к победе над природой. И нередко гибнут. И вот ваш Комлин – восьмой. Разве это допустимо, профессор Леман?

Директор упрямо насупился.

– Бывает, когда это неизбежно. Вспомните о врачах, прививавших себе холеру и чуму.

– Эти мне исторические аналогии... Вспомните, в какое время мы живем!

Они помолчали. Близился вечер, в дальних от окон углах кабинета росли прозрачные серые тени.

– Между прочим, – сказал вдруг директор, не глядя на собеседника, – я распорядился вскрыть сейф Комлина. Мне принесли его рабочие записи. Думаю, вам тоже будет интересно ознакомиться с ними.

– Разумеется, – сказал инспектор.

– Только, – директор слабо улыбнулся, – в них слишком много... м-м... специального. Я мельком проглядел кое-что, и боюсь, вам будет трудно. Я возьму их на сегодняшний вечер к себе и, если хотите, попы-

таюсь составить для вас конспект...

Инспектор откровенно обрадовался.

– Только не возлагайте на меня больших надежд, – поспешно предупредил директор. – Эти нейтринные иглы... Это было для всех как гром среди ясного неба. Никто и представить себе не мог чего-либо подобного. Комлин здесь пионер, первый в мире. Так что это может оказаться не под силу и мне.

Директор ушел.

Может быть, записи Комлина помогут. Инспектору очень хотелось, чтобы они помогли. Он представил себе Комлина с обоймой нейтринных присосков на голом черепе, взвешивающего склеенные спички. Нет, это не акупунктура. Это что-то совсем новое, и Комлин, видимо, сам не верил себе, если проводил такие страшные опыты над собой, таясь от товарищей.

Славное время, хорошее время! Четвертое поколение коммунистов, смелые, самоотверженные люди. Они по-прежнему неспособны беречь себя, напротив, они с каждым годом все смелее идут в огонь, и требуются огромные усилия, чтобы расходувать этот океан энтузиазма с максимальным эффектом. Не по трупам своих лучших представителей, а по следам могучих машин и точнейших приборов должно идти человечество к господству над природой. И не только потому, что живые могут сделать много больше, чем сделали мертвые, но и потому, что самое драгоценное в мире – это Человек.

Инспектор тяжело поднялся и побрел к двери. Передвигался он без торопливости. Это, во-первых, было у него в крови; во-вторых, сказывался возраст, а

в-третьих – нога.

– Ноют старые раны, – бормотал он себе под нос, когда ковылял через пустую приемную директора, сильно припадая на правую ногу.

III

Ранним утром следующего дня, как раз в тот час, когда врачи, так и не сумевшие разобраться в причинах заболевания, с радостью отметили, что к больному Комлину возвращается речь, – именно в этот час Рыбников и Леман снова сидели в директорском кабинете за огромным пустым столом. Инспектор держал на коленях блокнот, перед директором лежала пачка бумаг – записки, диаграммы, чертежи и даже рисунки – рабочие записи Андрея Андреевича Комлина.

Директор говорил быстро, иногда бессвязно, уставившись покрасневшими от бессонной ночи глазами куда-то сквозь инспектора, иногда останавливаясь, словно прислушиваясь с изумлением к собственным словам. Инспектор слушал, и последовательность и связь событий становились для него все более понятны. Вот что он узнал.

Облучением мозга нейтринными пучками Комлин занялся не случайно. Во-первых, этот вопрос был совершенно неясен. Методика получения пучков нейтрино «практической» плотности была разработана совсем недавно, и, получив нейтринный генератор, Комлин решил немедленно опробовать его.

Во-вторых, Комлин много ждал от этих опытов.

Излучения высоких энергий (нуклоны, электроны, гамма-лучи) нарушают молекулярную и внутриядерную структуру белков мозга. Они разрушают мозг. Они неспособны давать каких-либо изменений в организме, кроме патологических. Эксперимент подтверждает это. Другое дело нейтрино, крохотная нейтральная частичка без массы покоя. Комлин рассчитывал, что воздействие нейтрино не вызовет ни взрывных процессов, ни молекулярной перестройки, что нейтрино будет вызывать в ядрах мозговых белков умеренное возбуждение, будет усиливать ядерные поля и, быть может, вызовет в мозговом веществе совершенно новые, неизвестные еще науке силовые поля. Как оказалось, все предположения Комлина блестяще подтвердились.

– Я понял в записях далеко не все, – прервал себя директор, – а кое-чему просто не мог поверить. Поэтому я расскажу лишь о самом главном и о том, что может пролить свет на таинственную историю с фокусами. Хотя это тоже достаточно невероятно.

Начав опыты над животными, Комлин сразу же натолкнулся на идею нейтринной акупунктуры. Подопытная обезьяна поранила лапу. Рана затянулась и зажила необыкновенно быстро. Так же быстро исчезли у нее из легких темные пятна – следы туберкулеза, столь обычного для обезьян, живущих в умеренном климате.

Работа с нейтринной акупунктурой развивалась успешно. Несколько собак было отравлено различными видами биологических ядов. Нейтринная игла вылечила животных очень быстро, причем хроматография пока-

зала, что почти весь яд был выделен животными в несвязанном виде. Игла Комлина (так Горчинский назвал этот метод) излечивала туберкулез у обезьян в десятки раз быстрее и успешнее самых мощных антибиотиков.

На этом этапе, когда Комлин еще не разрабатывал метод лечения, а только доказывал его принципиальную осуществимость, никакой прямой необходимости эксперимента над человеком не было. В своем знаменитом докладе Комлин высказывал предположение о существовании в организме человека и животных скрытых целебных сил, пока еще неизвестных науке, но уже выявивших себя при опытах с нейтринной акупунктурой. Подробно излагалась программа перехода от опытов над животными к опытам над человеком – программа осторожная, учитывающая возможные ошибки, предусматривающая постепенный переход от самых простейших и явно безопасных нейтринных уколов к более сложным и комбинированным. Предполагалось привлечение к опытам больших коллективов врачей, физиологов и психологов. Но...

Инспектор не ошибся, Комлин работал не только с нейтринной акупунктурой. Очень скоро опыты с нейтринным генератором показали, что необычайное возрастание целебных сил организма – важное, но вовсе не единственное следствие облучения мозга пучками нейтрино. Подопытные животные вели себя странно. Не все и не всегда. Излеченные кратковременным воздействием нейтринной иглы обычно не обнаруживали никаких отклонений в своем поведении, но «любимцы», над которыми производились многочисленные и раз-

нообразные опыты, приводили обоих исследователей в изумление. И там, где молодой лаборант Горчинский видел только забавные или досадные шутки природы, интуиция большого ученого подсказала Комлину новое открытие.

Пес Генька (полное имя Генератор) обнаружил вдруг склонность показывать цирковые фокусы, которым его никто никогда не учил: Ходил на задних и даже на передних лапах, «здоровался», и Горчинский застал его однажды за странным занятием. Пес сидел на табуретке, уставившись в одну точку, и через правильные промежутки времени приподнимался и коротко гавкал, после чего садился снова. Горчинского он не узнал и зарычал на него.

Комлина поразил случай с павианом Корой. Кора сразу после облучения сидела в камере с Комлиным и мирно с ним «беседовала». Вдруг ее точно током ударило. Обезьяна увидела что-то в углу, грозно и жалобно заворчала и принялась пятиться. Ни уговоры, ни ласки не помогали. Кора, отбежав в противопо-

ложный угол, сжалась в комок и просидела так целый час, следя глазами за чем-то невидимым, и время от времени издавала резкий вопль – сигнал опасности. Затем это прошло, но Комлин с удивлением заметил, что с тех пор Кора, входя в камеру, прежде всего оглядывалась на злосчастный угол.

Однажды Горчинский прибежал к Комлину с криком: «Скорее! Скорее!» – и потащил его в обезьянник. В одной из камер обезьянника сидел молодой гамадрил и жевал банан. Ни в банане, ни в гамадриле ничего странного не было, но и сторож, и Горчинский в один голос утверждали, что были свидетелями чего-то совершенно фантастического. По их словам, они застали гамадрила в тот момент, когда он с видимым интересом наблюдал за кусочком бумаги, неторопливо, но уверенно ползущим по полу по направлению к нему, гамадрилу. Гамадрил потянулся к бумажке лапой, и Горчинский бросился искать Комлина. Сторож утверждал, что обезьяна съела бумажку, во всяком случае в

камере ее обнаружить не удалось. Попытка воспроизвести удивительное явление не увенчалась успехом.

– Вот что Комлин написал по этому поводу, – сказал директор, протягивая инспектору кусок миллиметровки.

Инспектор прочел: «Массовая галлюцинация? Или новое? Массовая галлюцинация с участием гамадрила – сама по себе вещь удивительная. Но тут что-то есть. С этим зверьем – обезьянами и собаками – ничего не узнаешь. Надо самому».

Комлин начал проводить опыты над собой. Скоро об этом узнал Горчинский и не замедлил последовать примеру начальника. Кажется, по этому поводу у них даже был небольшой скандал. В конце концов Горчинский обещал больше не экспериментировать, а Комлин обещал пробовать только самые простые, непродолжительные и безопасные уколы. Горчинский так и не узнал, что Комлин уже не занимается нейтринной акупунктурой.

– К сожалению, – продолжал свой рассказ директор, – в записках Комлина сохранилось довольно мало сведений относительно поистине поразительных результатов его экспериментов. Записи становятся все более отрывочными и неудобочитаемыми, чувствуется, что зачастую Комлин не может подобрать слов для описания своих ощущений и впечатлений, выводы его теряют стройность и полноту.

Несколько страниц, вырванных из тетради, Комлин посвятил необычайной способности запоминать, появившейся у него после одного из экспериментов. Он

записал: «Мне достаточно взглянуть на предмет один раз, и я вижу его во всех подробностях, как наяву, отвернувшись или закрыв глаза. Мне достаточно бросить беглый взгляд на страницу книги, чтобы затем прочитать ее по «изображению», отпечатавшемуся у меня в мозгу. Кажется, на всю жизнь я запомнил несколько глав из «Речных заводов» и всю четырехзначную таблицу логарифмов от первой до последней цифры. Огромные возможности!»

Встречаются среди записей и соображения очень общего характера. «Память, многие рефлексy и навыки, – написал Комлин твердым почерком, словно раздумывая, – имеют определенную, пока неясную для нас материальную основу. Это азбука. Нейтринный пучок просачивается в эту основу и создает новую память, новые рефлексy, новые навыки. Или не создает, а только вызывает появление о п о с р е д о в а н н о. Так было с Генькой, Корой, со мной (мнемогенез – творение ложной памяти)».

Наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина были посвящены последние несколько страничек, соединенных канцелярской скрепкой. Директор взял эти странички и поднял их над головой.

– Здесь, – сказал он очень серьезно, – ответ на ваши вопросы. Это нечто вроде конспекта или черновика будущего доклада. Прочсть?

– Читайте, – сказал инспектор.

– «Усилием воли нельзя даже заставить себя мигнуть. Нужна мышца. Нервная система играет роль датчика импульса, не больше. Ничтожный разряд, и сокраща-

ется мышца, способная передвинуть десятки килограммов, совершить работу, огромную в сравнении с энергией нервного импульса. Нервная система – это запал в пороховом погребе, мышца – порох, сокращение мышцы – взрыв.

«Известно, что усиление процесса мышления усиливает электромагнитные поля, возникающие где-то в клетках мозга. Это биотоки. Сам факт, что мы способны это обнаружить, означает, что процесс мышления воздействует на материю. Правда, не непосредственно. Я беру интеграл, усиливается поле мозга, смещается стрелка прибора, улавливающего и измеряющего это поле. Чем не психодвигатель? Поле – мышца мозга.»

«Появляется способность считать чрезвычайно быстро. Как я это делаю – сказать не могу. Считаю, и все. $1919 \times 237 = 454803$. Считал в уме в течение четырех секунд по секундомеру. Это прекрасно, но это совсем не то. Электромагнитное поле резко усиливается, а другие поля, если они существуют? Мышца развита. Но как ею управлять?»

«Получается. Вольфрамовая спираль. Вес 4,732 грамма. Подвешена в вакууме на нейлоновой нити. Я просто смотрел на нее, и она отклонилась от начального положения на пятнадцать с небольшим градусов. Это уже нечто. Режим генератора...»

Я говорил с Горчинским, – сказал директор, закончив чтение ряда цифр. – Сегодня ночью. Он видел вакуумный колпак с подвешенной спиралькой. Потом прибор исчез, видимо Комлин разобрал его.

«Психодинамическое поле – мышца мозга – работа-

ет. Не знаю, как это у меня получается. И ничего нет странного в том, что не знаю. Что нужно сделать, чтобы согнулась рука? Никто не ответит на этот вопрос. Чтобы согнуть руку, я сгибаю руку. Вот и все. А ведь бицепс – очень послушный мускул. Мышцу надо тренировать, Мышцу, мозга нужно научить сокращаться. Вопрос – как?»

«Интересно, ни одной вещи я не могу поднять. Только передвигаю. И не по произволу, Спичку и бумагу – всегда вправо. Металл – к себе. Лучшее всего обстоит дело со спичками. Почему?»

«Психодинамическое поле действует через колпак из стекла и не действует через газету. Чтобы действовать на предмет, мне надо видеть его. Гашу свечу. Расстояние в пределах «нейтринника», по-моему, не играет роли.»

«Убежден, что возможности мозга неисчерпаемы. Необходима только тренировка и определенная активация. Придет время, и человек будет считать в уме лучше любой счетной машины, сможет за несколько минут прочитать и усвоить целую библиотеку...»

Это страшно утомляет. Раскалывается голова. Иногда могу работать только под непрерывным облучением и к концу весь покрываюсь потом. Не надорваться бы. Сегодня работаю со спичками».

На этом записи Комлина кончались.

Инспектор сидел зажмурившись и думал о том, быть может идее Комлена суждено принести богатые плоды. Но все это еще будет, а пока Комлин лежит в госпитале. Инспектор открыл глаза, и взгляд его упал на кусок миллиметровки. «...С этим зверьем – обезьянами и собаками – ничего не узнаешь. Надо самому», – прочитал он. Может быть, Комлин прав?

«Нет, Комлин не прав. Не прав дважды. Он не должен был идти на такой риск и, уж во всяком случае, не должен был идти на такой риск в одиночку. Даже там, где не могут помочь ни машины, ни животные (инспектор снова взглянул на кусок миллиметровки), человек не имеет права вступать в игру со смертью. А то, что делал Комлин, было именно такой игрой. И вы, профессор Леман, не будете директором института,

потому что не понимаете этого и, кажется, восхищаетесь Комлиным. Нет, товарищи, говорю я вам! Под огонь мы вас не пустим. В наше время мы можем позволить себе отмерять семьдесят семь раз, прежде чем отрезать. В наше время вы, ваши жизни дороже, чем самые грандиозные открытия».

Вслух инспектор сказал:

– Я думаю, что можно писать акт расследования. Причина несчастья понятна.

– Да, причина понятна, – проговорил директор. – Комлин надорвался, пытаюсь поднять шесть спичек.

***

Инспектора провожал директор. Они вышли на площадь и неторопливо двинулись к вертолету. Директор был рассеян, задумчив и никак не мог приспособиться к неспешной, ковыляющей походке инспектора. У самой машины их догнал Александр Горчинский, взлохмаченный и мрачный. Инспектор, уже пожав руку директору, взбирался в кабину – это было трудно ему.

– Андрею Андреевичу значительно лучше, – негромко сказал Горчинский.

– Знаю, – сказал инспектор, усаживаясь, наконец, с довольным кряхтеньем.

Подбежал пилот, торопливо вскарабкался на свое место.

– Будете писать рапорт? – осведомился Горчинский.

– Буду писать рапорт, – ответил инспектор...

– Так... – Горчинский, шевеля усиками, посмотрел инспектору в глаза и вдруг спросил высоким тенорком:

– Скажите, пожалуйста, вы не тот Рыбников, который в шестьдесят восьмом году в Кустанае самовольно, не дожидаясь прибытия автоматов, разрядил какие-то штуки?

– Александр Борисович! – резко сказал директор.

– ...Тогда еще что-то случилось с вашей ногой...

– Прекратить, Горчинский!

Инспектор промолчал. Он крепко стукнул дверцей кабины и откинулся на мягком сиденье.

Директор и Горчинский стояли на площади и, задрвав

головы, смотрели, как большой серебристый жук со слабым гудением проплыл над семнадцатипятиэтажной бело-розовой громадой института и исчез в синем предвечернем небе.

1959г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

изготовителя электронной книги

Рассказ «Шесть спичек» – это это одно из первых опубликованных произведений Стругацких. Я лично воспринимаю его, как «знаковое». Именно в этом небольшом рассказе Авторы обозначают «ту самую» огромную Тему, которая их больше всего интересовала, и которую они в дальнейшем разрабатывали во всем своем творчестве. ЧЕЛОВЕК.

«...Самое драгоценное в мире — это Человек» провозглашают Они словами инспектора Рыбникова. То же самое пытается объяснить Горбовский молодому тогда ещё, ура-энтузиасту, Атосу-Сидорову в новелле «Десантники» (из книги «Возвращение»). Леонид Андреевич и его следопыты тоже понимают, «... что живые могут сделать много больше, чем сделали мертвые...», какой бы подвиг они не совершили, и что «человек не имеет права вступать в игру со смертью.»

Авторы допускают такую возможность, НО только в исключительных случаях. Когда это связано с жизнью или безопасностью других людей. Но тогда это уже не «игра», а борьба со смертью. Это самопожертвование. Ради Жизни. В новелле «Естествознание в мире духов» упоминается о подобном случае с Вильямом Сарояном. Это персонаж из новеллы «Злоумышленники» (там он «не очень положительный»).

Поэтому мне думается, именно в этом рассказе Авторы сделали свой первый шаг к «тому самому» Миру, в Котором Уютно и Интересно Жить.

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления.

При изготовлении этой книги использовались:

1. Текст рассказа из первого издания
в журнале «Знание - сила» 1959 №3
2. С. Бондаренко. Неизвестные Стругацкие:
От «Страны багровых туч» до «Трудно
быть богом». Донецк, «Сталкер», 2005.
3. Информация «Лаборатории фантастики»
<http://fantlab.ru/work541>
4. Элементы оформления рассказа из разных
изданий.
5. Работы художников И. Орлова, Б. Алимова,
Г. Дмитриева, В. Любарова, Ionescu Dumitru
и Bartsch Horst.

**Настоящая публикация преследует исключительно
культурно-образовательные цели и не предназначена
для любого коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.**

